Ж2
Ж49

ИЗВЕСТИЯ

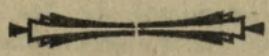
ОБЩЕСТВА

Археологии, Истории и Этнографии

ПРИ

Казанском Университете.

ТОМ XXXI. ВЫПУСК I.



Содержание:

М. Г. Худяков. Вотские родовые деления. Стр. 1—18 (окончание).

А. Охотников. Записки чувашина о своем воспитании (1888 г.). . . . . Стр. 19—48.

В. М. Васильев. Верования и обряды мари. . . . . Стр. 49—70.

Н. В. Никольский. Творчество чуваш . . . . . Стр. 71—86.

КАЗАНЬ.
1-я Государственная Типография.
1920.

Библиотека Чувашского Научно-Исследовательского Института

Записки чувашина о своем воспитании (1888 год).

I. Детство.

Я родился 8 марта 1860 года. Родители мои — чуваши православного вероисповедания, крестьяне деревни Чувашской Чебоксарки, Чистопольского уезда, Казанской губернии. К тому времени, как я начинаю себя помнить, семья наша состояла из дедушки, бабушки, отца, брата—семью годами старше меня, тетки—младшей сестры отца, меня и мачехи. Родной матери я не помню. Она была вторая жена отца, и была, говорят, очень добрая. Родственники же говорят, что я похож на нее. Прожив лет шесть замужем, она умерла после родов, и я, единственный четырехлетний сын ее, остался сиротою, на попечении бабушки, как и брат мой. Бабушка хорошо понимала наше сиротское положение и, сколько было возможно, заменяла для нас родную мать, хотя и мачеха относилась к нам хорошо.

Нас укладывали спать в горнице, где находилась постель бабушки и дедушки. Для брата здесь была устроена особая постель в прихожей, а я всегда располагался в передней, вместе с дедушкою и бабушкою. Остальные члены семьи и работники спали в жилой избе, отделенной от горницы холодными сенями.

Пред тем, как уснуть, особенно в зимние вечера, бабушка и дедушка долго разговаривали между собою, Я внимательно слушал их речи, лежа между ними. Вдруг раздается сильный треск в стенах, вероятно, от мороза. Я испуганно вздрагиваю, как и дедушка с бабушкой, которые оба одновременно произносят по чувашски: „Господи, помилуй“. Успокоившись, они делают предположение, что на том месте, где выстроена горница, должно быть, живет нечистый дух, отчего и происходят такие страшные удары в стенах. Раз летом лежим, спать еще не хочется; на дворе идет сильный дождь, так и хлещет в окна. Начала страшно сверкать молния. Раскаты грома так сильны, что стекла в окнах звенят. Все мы забились под шубу. Дедушка и бабушка непрерывно молятся Богу: „Господи, помилуй, Господи, помилуй, не оставь нас“. Раздается особенно резкий удар грома: тотчас после этого по улице проска-

кал верховой, крича, что в деревне пожар. Испуганно соскочили мы с постели, выбежали на огород, и оттуда увидели, что в конце деревни один дом охвачен пламенем. Народ кричит и бегает около пожара по всем направлениям. Наши домашние все побежали на пожар, только дедушка, бабушка и я остались дома. Часа через три вернулись они и сказали, что пожар произошел от удара грома, но что уже потушен и что сгорело всего два дома. Рассказывали, что Бог преследовал молнией диавола; тот, спасаясь, забежал в избу через незакрытую трубу. Молния летит за диаволом в трубу в виде огненного шара. Тут шар ударил нечистого духа так сильно, что кровь его брызнула по стенам избы; те места, куда попала кровь, тотчас загорелись.

Говорили и о том, что такой пожар нельзя залить водою: от воды он еще больше будет распространяться: здесь действует Божья сила, ее водою не зальешь. Лучшее средство залить подобный пожар — это парное молоко от черной коровы. Есть и другие средства, но я их теперь не помню.

Утром все отправлялись в жилую избу. Горницу днем держали в чистоте для приезжающих начальников: для следователя, станового пристава и пр., и для гостей.

В те дни, когда все были дома, мужчины плели лапти, вили веревки из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцем плотничали. Дедушка чинил кадушки и другую деревянную посуду, отец—сани. Женщины, покончив со стряпней, принимались за пряжу. Я же бегал по нарам, всегда босиком, сидел на подоконнике и ногтем выводил по мерзлому стеклу окна разные фигуры. На полу лежали ягнята, телята, а весною гуси и утки сидели в гнездах под нарами. Конечно, в избе была невыносимая духота. Но я этого не чувствовал. Когда мне надоедали одни занятия, я обращался к другим, напр., искал пауков и следил за ними, потом я отправлялся на печку ловить тараканов. Иногда я брал бичевку у работников и, привязав один конец ея за середину большого деревянного песта, находящегося тут же за дверью, начинал ее тянуть за другой конец, сидя в углу на печке. Пест уже почти на печке, как вдруг срывается и с шумом падает вниз, отчего все животные, находящиеся в избе, приходят в безпокойство и начинают кричать на разные голоса. Все семейные удивленно посматривают кругом, недоумевая, что случилось. Бабушка догадывается, что это я проказничаю, сердится на меня и велит оставить эту глупую игру. Я бросаю бичевку и принимаюсь вить веревку вместе с работниками, прилагаю все усилия, но работа не клеится. Брат смеется надо мною, похваляясь, что он в мои годы умел не только веревки вить, но даже и лапти плести. Его насмешки задевают мое самолюбие; я прилагаю все старания и по-

степенно привыкаю и веревки вить и лапти плести. Семи или восьми лет я умел плести лапти даже из девяти лык. Это верх искусства своего рода. Такие лапти изящнее обыкновенных, их носят парни-щеголи и девушки, и то только по праздникам. Когда чувашская молодежь ломает дужку, то девушка часто ставит условием сплести ей пару девятилычных лаптей, а парень с своей стороны желает, чтобы та ему сшила хорошенький кисет с кисточками. Последний служит любимым украшением для парней, которые носят его при гостях, привязывая к поясу с левого бока.

Ужинать мы садились без всякой молитвы, и никто не творил крестного знамения, но это не было небрежностью. Мы, по обычаю предков, произносили только про себя слова: „Господи, не оставь". Усаживались мы за два стола: за большой—мужчины, за маленький—отдельно женщины. Последнее обстоятельство происходило, по всей вероятности, от того, что сноха у чуваш не садится за один стол со свекром, так как считает себя недостойной сидеть с ним за одним столом. Если бы другие женщины сели с мужчинами, то сноха осталась бы одна, как бы брошенная семейством. Чтобы этого не случилось, мужчины садятся за один стол, а женщины за другой. В тех домах, где нет снох, мужчины и женщины ужинают и обедают за одним столом.

За столом мы сидели в таком порядке: дедушка, как глава семьи, помещался на стуле; мы—все остальные—садились на лавку, начиная с отца; рядом с ним место занимал я, потом — брат, и дальше работники и посторонние лица, когда случатся. У чуваш есть обычай сажать за стол всякого вошедшего в избу во время обеда или ужина. Если бы тот и не хотел есть, то из приличия должен, по крайней мере, отведать предлагаемое кушанье. Отведавши кушанье, он тотчас выходит из-за стола и садится на лавку, подальше от стола. При этом ему предлагают еще покушать, а иногда насильно сажают опять за стол, но гость упорно отказывается, уверяя, что он досыта наелся, и продолжая благодарить. Руки он никогда не подает ни хозяину, ни хозяйке. Подавать руку —не чувашский обычай. Когда мы усаживались за стол, отец резал нам хлеб, оставляя себе горбушку. Первый кусок за горбушкою, так называемый, у чуваш плясовой ломоть, доставался мне, второй брату и т. д. Когда же я пробовал просить себе горбушку, то мне всегда отвечали, что нельзя мне давать горбушки, иначе у моей жены нос будет большой. Когда я спрашивал, почему мне дают плясовый ломоть, отвечали: „когда выростешь, будешь хорошо плясать". Сначала подавали нам щи или суп в деревянном блюде, без говядины, а вместе со вторым блюдом тех же щей подавалась и говядина, которую, впрочем, употребляют только в зажиточных домах.

У чуваш нет понятия о питательности пищи. Едят для того, чтобы не голодать. Поэтому говядина рассматривается скорее как лакомство, и употребляют ее далеко не все. — Говядину крошат у нас на деревянной дощечке с ручкой, так называемой, ывыс. Часть говядины дедушка клал в наше блюдо, а часть передавал на другой стол женщинам, сообразуясь приблизительно с числом сидящих за каждым столом. Иногда, вместо говядины, подавали хуплу, особо приготовленное заячье мясо в тесте, в тех случаях, когда отец ездил на охоту за зайцами и лисицами, которые не редкость в нашем крае [1]). После ужина опять никто из нас не молился. Разве только мельник, бывало, перекрестится раза три, если он русский человек, и поблагодарит хозяина обычными словами. Мы же—младшие члены семьи — никогда не выражали своей благодарности старшим: это запрещала скромность младших пред старшими. В продолжение ужина никому не позволялось ни разговаривать, ни смеяться над чем-нибудь. Если же в минуту забывчивости мы улыбались, припоминая смешной случай из дневной жизни, то отец или дедушка строго замечал нам: „что вы скалите зубы". Этот застольный обычай так прочно запечатлелся у меня, что я и теперь не могу хладнокровно слушать человека, разговаривающего за столом, хотя уже прошло более десятка лет, как я стал жить вне чисто чувашских обычаев.

Иногда по вечерам к нам приходил один старик из некрещеных чуваш. У нас половина деревни, в числе ста ревизских душ, состоит из некрещеных. Этого старика мы называли дедушка Ельми. С его приходом настроение в семье заметно оживлялось. Он всякий раз рассказывал нам сказки. Мы слушали его с большим вниманием, подсев к нему как можно ближе. Ельми умел приковывать наше внимание к своему рассказу. Когда Ельми замечал, что мы уже устали его слушать, он вдруг, остановившись в середине сказки, отказывался от дальнейшего рассказа. Мы начинали его упрашивать и чуть не умолять, чтобы он окончил сказку. Таким приемом он снова оживлял нас и возбуждал наше внимание.

В его сказках более всего мне нравился элемент чудесного, во что я или искренно верил, или хотел верить. Сказки, поверия, поговорки и пословицы, слышанные мною, вместе с непосредствен-

---

[1]) Здесь кстати заметим. У моего отца, как и у деда и прадеда, была страсть к охоте, что впоследствии стало известно моим товарищам—ученикам Симбирской чувашской школы—из моих же рассказов. Однажды, придумывая, по школьному обыкновению, фамилии каждому из учеников, меня назвали Охотниковым, на том основании, что весь наш род питал страсть к охоте, хотя во мне и нет этой страсти. После этого один из учеников при составлении списка учащихся, совершенно против моего желания, меня записал с новой фамилией Охотников. Так произошла моя фамилия.

ными впечатлениями от окружающей жизни, составляли единственный материал, из которого складывалось мое детское миросозерцание. Произведения чувашской фантазии и мысли, отражения духовных свойств чувашского народа должны были воспитывать меня чисто в чувашском духе. Чувашское дитя большую часть времени предоставлено самому себе. Занимаясь земледелием, поглощенные заботами о пропитании, чуваши не имеют времени заниматься воспитанием своих детей. Они почти брошены на произвол судьбы, растут сами собою, придумывают себе игры и забавляются. Вследствие этого иногда происходят и несчастные случаи. Напр. в одной деревне, я слышал, трое детей остались одни в избе и вздумали изобразить в натуре охоту на зверей. К несчастью их, тут же на стене висело заряженное ружье. Двое из детей, изображая собою зайцев, спрятались под нары, а третий взял ружье и, открыв их, одного застрелил. Однажды и я едва не застрелил своего товарища, представлявшего волка.

В пылу игры зимою мы снимали с себя платье, не боясь простуды. Нередко весною, когда из-под снега кое-где начинает показываться земля, прибежавши на проталину, мы немедленно разувались и начинали бегать босиком, и переходили по снегу с одной проталины на другую. Конечно, такая свобода не всегда оставалась безнаказанною: часто мы заболевали и многие из моих сверстников умерли. Так угодно Богу, думали мы о последних. Они будут теперь в раю, потому что они успели умереть в детстве, когда меньше было у них грехов. По убеждению чуваш, грешные люди по смерти идут в ад, где их мучают в котле, благочестивые же идут в рай. Чтобы попасть в рай, нужно перейти через пропасть по тоненькой перекладине. Кто грешен, тот сваливается с перекладины и прямо падает в котел на вечное мучение. Благочестивые доходят по перекладине до самого рая, где вечно блаженствуют.

Заболел однажды и я. Настоящей причины болезни мы и не подозревали. Бабушка озабоченно спрашивала меня не о том, что не бегали-ли мы раздевшись и разувшись, а спрашивала, не ходили-ли мы к киремети или ириху и не ссорились-ли там с товарищами и т. п. На эти вопросы она получила от меня утвердительные ответы, потому что мы в продолжение дня, действительно, могли быть и около киремети и около ирихов, о которых я скажу в другом месте. Она пригласила юмзя—женщину знахарку—посоветоваться о способах лечения. Та, предварительно выведав от бабушки все обстоятельства дела и ее личное мнение относительно моей болезни, решала, что я не мог захворать ни от какой другой причины, как только от такой-то киремети, которая разгневалась на меня за мои дурные поступки около нее. Чтобы умилостивить

ее, нужно принести в жертву положенное число гусей. Бабушка ничего не жалела и употребила все усилия, чтобы вылечить меня, перерезав не мало гусей. Такое лечение больных очень раззорительно, но неизбежно при настоящих их религиозных понятиях. Не менее бабушки заботился обо мне и дедушка. Он внимательно наблюдал за сердцебиением и пульсом. По его просьбе, иногда приходил к нам Ельми и лечил меня. Он был знахарь и занимался лечением, но, говорят, он умел и портить людей, т. е. он был и колдун. Брал он чайную чашку с водою и, близко поднося ее ко рту, шептал какие-то таинственные слова и дул и плевал в чашку, в тоже время мешая воду чайною ложкою или лучинкою. Потом клал в чашку немножко соли и продолжал шептать, дуть и мешать воду. Затем я выпивал всю воду в один прием. Как бы странно ни было такое лечение, тем не менее я чувствовал себя легче после каждой выпитой чашки воды, тем более, что никто из нас не сомневался, что теперь болезнь пройдет сама собою. Ельми входил тихо: с семейными разговаривал почти шепотом. Во всех его движениях заметны были таинственность, уверенность и необыкновенное внимание ко мне, что придавало в наших глазах большое значение каждому его действию.

Когда я выздоровел, бабушка взяла меня, семи или восьмилетнего мальчика. в баню мыться. Хотя наша баня была сравнительно с другими лучшая, но чистотою и удобствами не могла похвалиться. Вода нагревалась в чугуне, ведра в два, и этою водою должны были довольствоваться человек двадцать мужчин и женщин. Так как мужчины бывают в бане раньше женщин, то последним нередко приходится обходиться и без теплой воды. Волосы состоятельные люди моют в бане кислым молоком, вместо мыла, которое стало входить в употребление только в последнее время в зажиточных домах и у грамотеев, и щелоком. В бане больше парятся, чем моются. Вообще чистоплотность у чуваш в полном пренебрежении, отчего среди них господствуют разные накожные болезни: нарывы, чесотка и глазные болезни. Но, по понятиям чуваш, все эти болезни происходят по воле особого божества—ирих. Ирих был во время моего детства и в нашем доме.

Кстати заметим здесь, что боги чуваш делятся на высших и низших, а последние в свою очередь распадаются на добрых и злых. Говоря о своей болезни и нечистоплотности чуваш, я упомянул об ирихе и киремети—двух довольно видных злых божествах. Ирих невидим. Местопребывание имеет в лукошке, сделанном из вязовой коры и помещающемся в клети, где-нибудь в углу, за дверью. Ирих посылает чувашам, относящимся к нему без надлежащего уважения, болезни. Если у чувашина начинают болеть глаза или на его теле появляются нарывы, сыпь, то он, или по своему созна-

нию, или по совету юмзи, варит из пшеничной муки кушанье мимер—нечто в роде киселя. Затем, расплавив одну ружейную дробину, отливает маленькую блестящую монетку. Сделав в ней маленькое отверстие, продевает через него нитку, концы которой завязывает узлом. Мимер и монетку (оловянку), он несет в тот дом, где находится наказывающий его ирих. Кто нибудь из семейства этого дома, по просьбе принесшего мимер и оловянку, отправляется в клеть к ириху, молится, чтобы тот снял болезнь с принесшего мимер и оловянку. Потом делает три земных поклона; часть мимера со столовую ложку кладет он в лукошко, а оловянку привешивает на гвоздь, где висит и лукошко. Остальной мимер с'едается членами семейства этого дома. После такого моления чувашин в полном убеждении, что болезнь его снимается ирихом, а о том, что болезнь происходит от нечистоплотности и неопрятности, и не подумает.

Я помню, бывало, все уйдут работать, а я сижу один с бабушкою в избе. Она прядет пряжу или что-нибудь вяжет, и тихо-тихо поет старинные чувашские песни. У этих песен и мотив какой-то особенный. Они очень заунывны. Поет, поет да вздохнет, и так глубоко вздыхает, что на душе делается тяжело. Наконец, мне становится скучно. Я задаю ей детские, бессвязные, наивные вопросы, в роде того: бабушка, почему у меня жены нет?.... Она не обращает на них внимания, и напевает излюбленную песню, все одним и тем же тоном, а потом опять глубоко вздохнет.

Вот, в такой момент вдруг растворяется со скрипом дверь, и кто-то входит в избу с масленым мимер в руках для приношения нашему ириху. Я начинаю от радости прыгать и бегать по лавкам. Взяв мимер и оловянку, бабушка выходила в клеть молиться ириху, а я из любопытства сопровождаю ее, чтобы посмотреть на ирих и на то, как ему молятся. В клети, где ирих, все имеют серьезный вид и говорят только о деле и о вещах, не оскорбляющих нравственности и религии не только своей, но и русской, т. е. православной. Если же мы, дети, по неведению, позволяли себе здесь пошалить, то старшие сдержанно замечали нам, чтобы мы вели себя так, как ведут себя умные люди.

Чувашские божества как добрые, так и злые не позволяют совершать греховные дела: ни воровать, ни развратничать, ни убивать и т. д. Напротив, божество карает всякого, дерзнувшего сделать около него какой-нибудь грех. Поэтому присутствие божества в доме, как у нас в клети, имеет для взрослых и для маленьких воспитательное значение. Оно приучает с малолетства высказывать слова обдуманно, только о том, о чем можно, приучает вести себя скромно. Поэтому не удивительно видеть какое-нибудь языческое божество в мало-мальски порядочном чувашском доме. Так же нам

понятно, что хороших детей мы находим именно в тех домах, где есть какой-нибудь ирих. Языческая религия, как бы она ни была низка в сравнении с христианской, тем не менее составляет весь духовный мир чуваш, как некогда и у меня лично. Ведь азам начал я учиться почти 14-ти лет от роду.

Жизнь чуваш тесно связана с их религиею. Они ею живут, ею дышат, ей преданы они душою и телом. Почему же мы не можем ожидать от них такой же преданности и христианской религии? Можем. Но можем не прежде, чем они поймут ее. Не прежде, чем она всосется в тело и кровь их. А это возможно, по крайнему разумению моему, лишь тогда, когда христианская вера будет им предлагаться в доступной форме, когда она будет близка к их жизни, когда будет отвечать состоянию души чувашина... Теперь разные места около деревень и в самых деревнях чуваш усеяны киреметями. Люди, даже близко стоящие к чувашам, часто ошибаются, понимая под словом киреметь самих злых богов. Киреметь, собственно, есть место, где пребывает злой дух, напр. дух какого-набудь известного, некогда жившего на этом пункте, чувашина. У нас, напр., около деревни лежит возвышенное пустое место, имеющее форму полуострова, так как оно окружено с трех сторон двумя речками, соединяющимися в одну, На этом месте, несколько лет тому назад стояла старая береза. Место, где она росла, а раньше нередко и самую березу, чуваши называют киреметь Утласа. По преданию, этим полуостровом владел некогда богатый, храбрый чувашин, по имени Утлас. Сказание об Утласе дает некоторое понятие о том безпокойном периоде жизни чуваш, когда вся восточная часть Европейской России волновалась, как, напр., во время Пугачевского бунта. Утлас, живя на высоком защищенном речками месте, откуда далеко видна вся окрестность, и владея домом с подземными ходами, всегда умел охранять себя и свое имущество от воров и разбойников и держать в страхе и покорности жителей нашей деревни. Выезжал он с кучером на тройке красивых вороных коней с колокольчиками и имел при себе ружье— двухстволку, саблю, кинжал и другое оружие, которым отражал неприятелей, осмеливавшихся нападать на него в дороге. Рассказывают, что однажды на него напало двенадцать разбойников. Заметив приближение их, он остановил лошадей и, спокойно дождавшись их, двоих из них застрелил, у некоторых отсек голову, другим распорол животы. Остальные, устрашенные его силою, спаслись бегством. Но оставшиеся в живых разбойники поклялись отомстить Утласу за гибель своих товарищей. В одну тихую ночь ему вдруг послышалось, что на дворе и в сенях ходят люди. Быстро схватив свое вооружение, он бросается в подполье, откуда пробирается подземным ходом в огород, подходит тихо к забору,

видит известных ему разбойников и начинает в них стрелять: уже несколько человек пало мертвыми, остальные ищут его на дворе, но не находят. А Утлас все продолжает стрелять. Разбойники, наконец, покинув трупы своих товарищей, удаляются. С тех пор, говорит предание, ни один разбойник не осмеливался делать покушение на жизнь и имущество Утласа.

Утлас давным-давно умер, но не умер его дух: он живет, говорят, под березой, посаженной Утласом в своем саду. Дух его и теперь держит чуваш в страхе. Ни один чувашин не осмеливается выразить свою непочтительность к березе, около которой живет дух Утласа. Он наказывает виновного продолжительными болезнями, для избавления от которых существует одно средство—просить прощения пред березою и зарыть в землю около нея медную монетку двухкопеечного или трехкопеечного достоинства. Таково сказание о происхождении киремети Утласа [1]).

Киремети имеют и другое происхождение. Места, где раньше совершали в продожение столетий общественные моления высшим богам, нередко впоследствии были оставляемы, так как с течением времени условия жизни изменялись, но уважение к прежнему месту молений сохранялось. Юмзи, затрудненные в об'яснении причины болезни, говорили, что болезнь могла произойти от неблагопристойного поведения заболевшего около того старого места мольбища.

Так, подле нашей деревни есть место на берегу речки, где собирались некогда для совершения общественных молений: оно было оставлено, когда на противоположном берегу поселились русские. Присутствие их мешало чувашам молиться, так как русские позволяли себе смеяться над чувашскими религиозными обрядами. Чуваши выбрали для молений другое место, а прежнее обратилось в киреметь, под особенным названием по местности ее нахождения, авыр-кюль киреметь. Сюда в день совершения общественных молений приходит старик, выбранный обществом, подметает небольшое место и, незаметно зарыв в землю медную монетку, отправляется домой. Этим выражается уважение к священному месту и память о молениях высшим божествам. Могут быть и другие причины происхождения киреметей. Но вследствие чего бы киремети ни происходили, они—явление безотрадное. Свидетельствуя о жалком состоянии религиозном и умственном чуваш, киремети вредны особенно тем, что чуваши положительно раззоряются на жертвоприношения им, особенно при продолжительных болезнях. Дети еще с малолетства запугиваются киреметями. Я помню, как было страшно проходить мимо киремети: мы опасались даже говорить

---

[1]) Остатки жилища Утласа до сего времени сохранились.

между собою, чтобы как-нибудь не проронить оскорбительного для киремети слова.

Затем, к несчастию чуваш, распространение православия среди них шло внешним образом, а не посредством убеждения, и увеличило сонмище злых божеств. Чуваши, например, о Николае Чудотворце думают, как о могущественнейшем злом боге, который непрестанно посылает на них ушные болезни всех видов: глухоту, боль в ушах, течение гноя из ушей и т. п. Поэтому, при появлении ушной болезни, чувашин ставит восковую свечу пред иконою Николая Чудотворца, в церкви или дома, как наши домашние, и молится ему на коленях о том, чтобы он избавил его от ушной болезни. Таким образом, по убеждению чувашина, Николай Чудотворец, или икона с ликом его, своего рода злой бог, наравне с ирихом или киреметью, только с тем различием, что Николай Чудотворец—русский злой бог, а киреметь или ирих—чувашский. В некоторых селах, где существуют явленные иконы с ликом Николая Чудотворца, дело дошло до того, что чуваши стекают сюда из нескольких соседних уездов и возят с собою деньги и истуканы, печенные из теста, в жертву Николаю Чудотворцу. Отлично видя суеверия чуваш, духовенство этих сел, повидимому, не старается дать чувашам надлежащее наставление, так как эти суеверия—доходы духовенства. Если мы—соль земли—будем служить церкви так, то, пожалуй, в недалеком будущем из Божественной христианской религии, Бог знает, что сделаем в глазах инородцев. Один, довольно пожилой батюшка, не мало потрудившийся для церкви в своем чувашском приходе, передает, между прочим, прискорбный случай, свидетельствующий о неверном понимании чувашами Николая Чудотворца. Когда я служил, говорит он, еще в другом приходе, я ходил раз в селе с крестом. Подходит ко мне хозяин одного дома и говорит: „что мне делать? я нашел под сараем много денег, а брать их—боюсь“. На мой вопрос он рассказал, что когда юмзь предписывает чувашину ехать на поклонение Николаю Чудотворцу, а чувашину ехать нельзя, то он подкидывает несколько копеек в другой дом. Там знают, какие деньги им подкинули, и, прибавив еще столько же денег от себя, т. е. увеличив сумму денег вдвое, тихонько подкидывают их в третий дом. Кому охота ехать к Николаю Чудотворцу! Так путешествуют эти деньги, в каждом доме увеличиваясь вдвое. Наконец, получится значительная сумма, хозяину дома не под силу ее удвоить. Тогда он волею - неволею должен отвести их Николаю Чудотворцу. Хозяин дома по бедности не мог ни удвоить сумму, ни с‘ездить на поклонение иконе.

Подобных этому фактов много. Они ярко свидетельствуют о действительном понимании чувашами православной веры.

Теперь многие чуваши боятся Николая Чудотворца так же, как они боятся языческого бога. В нашей деревне праздников православной церкви почти не празднуют в таком смысле, как учит церковь. В пониманиях чуваш христианские праздники обратились в языческие и, вместо того, чтобы идти в церковь, чуваши дома совершают моление, поминают умерших по языческим обрядам и потом начинают веселиться и пировать вместе с своими гостями.

Весело проводят такие праздники и дети. Особенно приятно мне вспомнить о тех праздниках, когда приезжали к нам гости. С нетерпением бывало я жду праздника. Большие, зная наше отношение к праздникам, часто вместо прямого понуждения к работе говорили: „работайте дети, дружнее, как окончим все работы, придет праздник". И работа закипала. Вечером, когда возвращались с поля, пели песни, приличные ближайшему празднику, совершенно забывая усталость. Пели песни и чувашские, но больше татарские, в которых находили больше поэзии, чем в чувашских. Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о влиянии татар на чуваш нашей деревни и в отношении языка. Впрочем, я не был большим любителем песен, хотя никогда не отказывался, когда, бывало, предлагают петь вместе с другими. Отличаясь молчаливым характером, я пел без увлечения, только за другими. Тогда мне было лет 10 или 11, и я начинал уже сообразоваться в поступках с мнением старших. Так заранее создавалось у нас радостное настроение в ожидании праздника, напр., Семика и Введения во храм Пресвятой Богородицы, или просто Введения. Недели за две до наступления последнего мой брат отправляется к родственникам, живущим в других деревнях, приглашать их на пир. Все домашние занимаются приготовлениями к празднику: варят пиво, режут овец, колют свиней. В этих приготовлениях и мне находят работу, охотно мною исполняемую. Накануне праздника одевались мы все по праздничному. Я надевал пунцовую рубашку, синие штаны, белые шерстяные чулки и новые лапти, а потом, надевши шубу, овчинную шапку и рукавицы, выходил с братом к воротам встречать гостей. Узнавши гостя издали, мы бежим на встречу, садимся в сани рядом с ним, под'езжаем к крыльцу, помогаем гостю слезать с саней, быстро уносим одежду его в избу. Потом, выпрягши лошадь, привязываем ее куда-нибудь и опять бежим встречать других. Поздно вечером, когда уже приедут все приглашенные гости, происходит угощение. Начиналось оно с того, что я с братом наливали пива в пивные ковши и подходили к гостям, начиная со стариков, предлагая выпить все пиво, до дна ковша. Гости брали ковши, мы вставали пред ними на колена и оставались в таком положении с наклоненной головой до тех пор, пока они не выпьют всего ковша. Остальные гости в это время сидят тихо, внимательно следя за

угощающими детьми. С детьми разговаривает только тот, в чьих руках пивной ковш. От детей требуется вежливое обращение с гостями, особенное искусство в угощении, которое состоит в том, чтобы вежливейшим путем достигнуть того, чтобы гость выпил пиво из ковша до дна. Умение угощать вежливо и находчивость при этом—достоинства угощающего. По этим его качествам гости впоследствии судят об его умственных способностях. Желая испытать угощающего, гость отказывается от пива, говоря, что он перестал пить пиво по болезни или по другим каким уважительным причинам. Находчивый мальчик в этом случае, как бы веря и соболезнуя гостю, должен предлагать пиво, как облегчающее болезнь средство. Гость, наконец, будто бы убеждается его доводами и, поблагодарив за угощение и участие, дает детям монету копейки в две или три, много в пять. Но испытывать детей, по обычаю чуваш, могут только гости, пользующиеся хорошею репутациею и уважением в народе, как, напр., старик Ельми. Каждый из остальных гостей, выпив все пиво и поблагодарив, немедленно вручает угощаемому подарок. Когда обойдем с пивом всех гостей, начинается настоящее угощение их, а я удаляюсь в другую избу или на полати, откуда любуюсь гостями. Все они сидят за столами на кошмах, постланных на нары, и разговаривают между собою о житейских делах: о домашних и полевых работах, о здоровье скотины и семьи, урожае и т. п. На столе стоит ведро с пивом, бутылка или четвертная посуда с водкою и одна рюмка на весь стол, затем блюдо с крошеною говядиною, блюдо с творогом, а вокруг блюд лежат ломти черного хлеба или ситного домашнего приготовления из полбенной муки. Никаких салфеток, вилок и ножей, кроме хлебного, на столе не полагается. Вместо салфеток здесь служит одно общее для всех полотенце, лежащее тут же на столе, вблизи ведра с пивом, которое часто покрывается тем же полотенцем,—вместо вилок и ножей—руки с пальцами. Кроме того, утром гостей поят чаем, купленным нарочно для праздника, но это делается только у зажиточных чуваш, и кормят завтраком, обедом и ужином. Как завтрак, так и обед с ужином, состоит из супа или щей с говядиною и каши или же жареного ширтана. Это—род колбасы, чувашское кушание особого приготовления из говядины. Праздник продолжается дня три, и все это время гостей угощают водкою и пивом. Сначала один из членов семьи обходит всех гостей, угощая пивом, а за ним идет другой угощать водкою. Угощают чуваши вообще очень настойчиво: угощающий до тех пор не берет обратно рюмки или пивного ковша, пока не будет выпито до дна. Это—правило всякому порядочному угощению. Когда гости опьянеют, некоторые начинают хвалиться своим материальным благосостоянием и трудолюбием, другие поют песни. Напев этих песен

протяжный и заунывный. Не видно в них удальства. Настал праздник, все родственники собрались вместе, им стало полегче на душе, а под опьяняющим влиянием водки язык их развязался. Они начинают утешать друг друга словами: Бог поможет, потихоньку поживем, подите сюда: попьем, поедим. Эти слова были любимейшими словами дедушки при угощении гостей. Он часто поговаривал: „эх, братцы, если есть на свете хорошее, то это попить, поесть и побеседовать с своими родными, собравшись вместе, как мы теперь". После этих слов у него, обыкновенно, из глаз текли слезы, и он продолжал: „пожил я на свете, но приятнее этого никогда ничего не находил, мы теперь состарились, живете вы молодые, дай Бог здоровье вам". Когда же он сам бывал в гостях у своей родной сестры, то его сажали впереди. Преклонов пред ним головы, две племянницы, дочери его сестры, вставали на колени и начинали петь песни, подав ему ковш пива. Они также пели при проводах. Напев менялся, смотря по содержанию песни. В этих песнях выражались беззаботная жизнь девушек в родном доме, неопределенная судьба их в будущем и мольба пред родителями, родными и вообще старшими, не считать их чужими, когда они покинут родное гнездо. Здесь напев делался печальным, дедушка начинал тихонько рыдать, а его племяницы, Марья и Ульяна, то и дело обтирали глаза рукавом рубашки. Марья и Ульяна, встав на ноги, быстро уходили в другую избу. Что они там делали, я никогда не видал, может быть, они там плакали или так сидели, но только, когда дедушка переставал плакать, они больше не входили к гостям. Лошадь уже готова, мы одевались, выходили к саням, где и видел я Марью и Ульяну в последний раз. Оне уже веселы, садятся с нами рядом и далеко провожают нас. При расставании не происходит ни целований, ни рукопожатий. Только скажут друг другу: будьте здоровы, пока не увидимся еще другой раз.

Здесь я несколько забежал вперед. Возвратимся назад, в наш дом. Мы сказали, что одни из гостей хвалятся, другие поют песни. Но вдруг врывается в избу скрипач и начинает пилить смычком по дешевеньким струнам; гости оживляются, две женщины выступают на средину избы и начинается пляска, не лишенная грации, состоящая в том, что плясущая тихо двигается, вставая попеременно на пятки и на носки и в тоже время производя руками различные плавные движения, описывая круги в воздухе. Потом пляшут мужчины, в пляске принимают участие не только молодые, но и старые. В то время, как одни пляшут, все остальные бьют в ладоши так сильно, что звук плохонькой чувашской скрипки совсем заглушается. Во всей избе слышно только хлопание и топание. А сам скрипач не столько играет, сколько топает ногами. Чуваши нашего края вообще не отличаются искусством играть на музыкальных инструментах.

По временам женщины, наши гости, уходили в жилую избу и беседовали о своих женских делах. Сюда же приходила иногда и бабушка. Гостьи спрашивали у ней, между прочим, о женитьбе моего брата, Ивана. Бабушка им никогда не давала определенного ответа ни о времени его женитьбы, ни о невесте. Может быть она не желала высказываться более определенно из осторожности, чтобы я не мог впоследствии передать брату. Между гостями были мои тетки, замужние дочери бабушки, которые особенно интересовались женитьбой брата.

Разговоры о его женитьбе я стал, наконец, слышать и в обыкновенное время. С течением времени они стали принимать более решительный характер. Это я чувствовал, но не знал, когда именно брат женится. Чуваши нашей деревни, и крещенные, празднуют не воскресение, а пятницу. Раз в праздничный день, т. е. в пятницу, отец приказал работнику заложить лошадь в новые рогожные сани. У нас так называют сани, сделанные со спинкою и обшитые рогожею. Такие сани имеются только у зажиточных чуваш. Из слов отца: „заложить лошадь“ я понял, что он собирается ехать куда-то в гости. Потом отец сказал мне, чтобы и я поскорее оделся. Мне дали праздничные красную рубашку, штаны и теплые сапоги с крапинками казанской работы. Наскоро одевшись, вышел я на двор к саням, отец дожидался меня. Видно было, что вопрос относительно того, брать или не брать меня с собою, был решен неожиданно, когда лошадь уже была заложена. Мы сели в сани.

От'ехав сажен с двести, отец увидел, что пред нами идет женщина, мне незнакомая. Она находилась от нас саженях в десяти, шла нам на перерез и перешла бы через нашу дорогу, если бы отец не попросил ее остановиться на месте. На вопрос, куда мы едем, отец дал ей неопределенный ответ: „едем вот“. Вопросы же—куда едем и для чего—остались без ответа. Когда мы проехали мимо женщины, у меня возник вопрос, почему женщина не должна была перейти через дорогу. Я долго не осмеливался спросить об этом у отца, но, каконец, мое любопытство преодолело скромность, и я спросил. Он ответил мне: „она хотела перейти через дорогу с пустыми руками. Это—нехорошая примета: наше желание не исполнится“. Суждение отца мне показалось совершенно основательным: и, в самом деле, что могут означать пустые руки?—пустое желание. У чуваш немало подобных примет. Так, напр., отправляющийся в дальную дорогу не поедет в путь, если ему до выезда из деревни встретится черная кошка. Он должен обратно приехать во двор и выехать из дома снова. Эта примета, впрочем, имеет несколько значений при различных обстоятельствах.

Сначала мы ехали по открытому полю, потом ехали лесом. В лесу отец оживился, стал обращать внимание то на одно, то на

другое дерево, и каждому дереву находил практическое применение. Заметив высокий, большой дуб, говорит, что из него вышли бы хорошие доски для полов. Увидит березу, скажет, что из нее вышло бы три или четыре оси для рабочих телег. Потом начинает сравнивать одно дерево с другим: это лучше, то хуже и т. д. Так он интересовался всеми деревьями, попадающимися нам по дороге, плохими и хорошими.

Вдали показалась деревня, расположенная вдоль речки, по обоим ее берегам. Все строения покрыты соломою, так что она издали представлялась группою навозных куч, около которых двигались черные пятна. Должно быть, голодные собаки чуваш, которые не очень любят давать своим собакам кусок хлеба, отыскивали падаль. „Вот и Ендрускино", сказал мне отец. Слова его произвели на меня такое же впечатление, какое произвели бы слова: вот мы и приехали туда, куда ехали, хотя до Ендрускина оставалось еще верст пять. В словах „вот и Ендрускино" я понял еще и нечто другое: мы скоро будем в Ендрускине, нас примут ласково, будут нас угощать, нам будет весело..... В Ендрускине мы заехали к одному зажиточному чувашину. Пока еще мне было неизвестно, почему мы заехали к нему; я был до этого один раз в Ендрускине, но тогда мы гостили у другого, дальнего нашего родственника. Услыхав от отца „Ендрускино", я тотчас предположил, что мы едем к известному мне родственнику, но я ошибся. Хозяева дома, куда мы заехали, заметив нас из окна, выбежали на двор встречать нас, извиняясь в своей рассеянности, что они не увидели нашего приближения к их воротам. Спрашивали, кто нам отворил ворота. Отец, желая, должно быть, отрекомендовать меня, отвечал, что ворота отворены мною, хотя я не трогался с места, когда мы подъехали к ним. Хозяйка подняла меня с саней, поласкала и выразила свое удивление, что я уже настоящий мужик, помощник отцу, и что я смог даже отворить ворота. Между тем она видела, что не я отворил ворота. Хозяйка этим с одной стороны хотела сказать приятное, а с другой она хотела, вероятно, намекнуть мне, что я и в самом деле должен теперь помогать отцу в работах, а потому и в данном случае мне нужно было слезть с саней и отворить ворота. Говорить намеки свойственно чувашам. После этого мне стало стыдно, и я не мог отвечать на дальнейшие распросы о наших домашних. Еще замечу, что этот мудрый способ указывать детям на ту или другую работу намеками у чуваш очень развит. Намеки сильнее действуют на рассудок и на сердце, чем приказание или выговор. Последние нередко вызывают в детях раздражение, а намеки легко располагают детей к работе. Справились хозяева у меня о домашних: живы-ли дедушка с бабушкою, почему они перестали к ним ездит, здоровы-ли прочие семейные, в каком состоянии

находится скотина. Но я, засыпанный вопросами и пристыженный хозяйкою, окончательно растерялся, стоял и молчал. За меня отвечал отец. Между разговором все бросились выпрягать нашу лошадь, затем повели нас в избу и раздели своими руками, как требуют того правила гостеприимства. Отца посадили за стол в переднем углу, а меня послали на печку погреться. В избе не оказалось мне сверстников, поэтому я, лежа на печке, стал скучать. Хотя изба была устроена побелому, но стены были покрыты сажей, должно быть, печка дымила, или же в недавнем прошлом изба топилась по-черному. Окон всего было три, и то очень маленьких, одно на юг, два на восток, так что в избе было темновато и среди дня. Мне показалось, что здесь хуже, чем в нашем доме. Женщины то и дело выходили из избы и возвращались назад в избу. Развели в печке огонь и начали что-то стряпать, должно быть, для нас, подумал я. Мужчины, подсев к отцу, завели с ним разговор о разных предметах крестьянской жизни. Они не торопились с вопросами и ответами, каждую мысль старались высказывать обдуманно. Эта обдуманность, основательность и скромность в разговоре служат у чуваш первым признаком хорошего тона. Одобряя, напр., молодого человека, говорят о нем: „говорит степенно, как старик, зря не смеется, как умный человек". На полатях лежал седенький старик. Он думал о чем-то и мерно постукивал о стену своею палкою. Говорят, ему тогда было 110 лет, а прожил он после этого еще лет с 10. Узнав о приезде моего отца, он также присоединился к разговаривающим. Из дальнейшего разговора оказалось, что этот старик знался еще с моим прадедом, Иваном, которого отец едва помнил. Из слов старика видно было, что он много видал на своем веку. Припоминал он старые времена. Рассказывал о том, как мой прадед был отправлен когда-то в Петербург в качестве депутата, выбранного чувашами нашего уезда, для заявления о нуждах чуваш и о мнении их относительно введения какого-то нового закона в нашей стране; рассказывал о нашествии французов на Россию, о бунтах татар, о том, как они жгли деревни, грабили чуваш и русских. Они, будто бы, хотели тогда восстановить свое Казанское царство, воспользовавшись войною русских с французами. Был приказ, чтобы жители деревень по ночам не спали, а стояли около своих домов, вооружившись, кто как может. Тогда очень много развелось разбойников; они явно выходили на базары и грабили людей. Много погибло тогда черного народа. Потом рассказывал он, как появились в нашем краю какие-то особенные люди, казаки, очень опасные люди. Ездили они верхом на лошадях. У каждого был железный крючек, привязанный к веревке. Догоняя людей, они зацепляли их этими крючками и волокли по земле до тех пор, пока те не умирали.

Эти рассказы я слушал с большим вниманием. На столе уже кипел маленький грязный самовар, подали на стол чайные чашки с украшениями, или, как я называл, с церквами. Для меня всякий рисунок на посуде был изображением церкви. И обедал я ложкой с церквами. Меня посадили рядом с отцем. Хозяева сели с краю и беспрерывно подчивали нас. Во время чая отец, рассказывая о домашних, заговорил, между прочим, и о брате. Зашла речь о том, не пора ли ему жениться. Отец открыл цель нашей поездки в Ендрускино. Начали обдумывать, чья дочь более будет соответствовать своими достоинствами нашему брату.

После чая ко мне призвали несколько мальчиков от соседей. С ними я играл до самого вечера и на дворе, и на улице. После ужина хозяева мне посоветовали идти к девушкам, чтобы поиграть с ними; они собираются у старушки, которая жила на краю деревни. Ее хорошо знали знакомые мне мальчики. При этом сказали, чтобы я более обращал внимание на Марию, дочь Семена, и что ее укажут мне мальчики. Таким образом, я, играя с девушками, должен был следить за поведением Марьи в обществе молодых людей. Вот для какого назначения я был привезен отцем в Ендрускино. Мы побежали к старушке и бесцеремонно ворвались в избу. Тут сидело около ведра, поставленного на стол, девушек двадцать и столько же парней стояло. Кроме того, много было здесь мелкого народа до самого порога. Все они гадали о своем будущем.

Гадание началось с того, что двое или трое парней с столькими же девушками принесли ведро воды с речки и поставили на стол. Все девушки уселись за стол, а одна из них, прикрывая одною рукою полотенцем ведро и другою мешая кольца, опущенные в него присутствующими, вынимает по одному кольцу после каждой песни, пропетой хором парней и девушек, и возвращает его по принадлежности. Ответом на вопрос служит содержание песни, которую они пропели, прежде чем вынуть кольцо из ведра. Гаданиями забавляются только молодые люди, как и у русских, со дня Рождества до Крещения. По всей вероятности, этот обычай перешел к чувашам от русских. В числе других и я положил свое кольцо в ведро, предварительно задав себе вопрос, хорошо-ли я буду учиться грамоте. Получил ответ:

„Я ездил в Самару
На восьми подводах,
Но не обманул надежд
Отца и матери“—

я остался очень доволен: я заключил из песни, что я буду оказывать успехи в грамоте. С гадания мы вернулись поздно. Все уже спали. Утром я рассказал подробно обо всем виденном мною у ста-

рушки, и о Марье. — Рассказ мой склонил отца и прочих к тому, чтобы тотчас же послать к Семену сватать Марью. Посланный возвращался к отцу и опять уходил к Семену: не сходились они в размере калыма. Отец предлагал за Марью семьдесят рублей, а Семен просил сто рублей, основываясь на том, что 70 руб. будет недостаточно для подарков, требуемых отцем для близких родственников и для всех домашних, именно по рубашке. Эти переговоры при посредстве третьего лица упорно продолжались с утра до вечера. Наконец, отец предложил последнее условие: „калыма будет 90 руб. с тем, чтобы заплатить из них только 80 руб., а остальные 10 руб. оставить в пользу жениха, как бы в подарок жениху от тестя". Сват вернулся от Семена без кнута, который он носил целый день. Это означало: дело слажено. Таким образом отец мой возвысил калым на словах на двадцать рублей, а на самом деле на 10 рублей. Семен же уступил на словах 10 руб., а на самом деле 20 руб. Тот и другой остался в выигрыше и вот почему. Достоинства невесты или проще стоимость подарков, требуемых со стороны невесты, определяются количеством. Стало-быть, Семен, уступив 10 руб. со 100, возвысил достоинства дочери на 20 руб. против 70 рублей, предложенных отцем. Напротив, отец мой, предложив заплатить 80 рублей вместо требуемых 100, увеличил калым на 10 руб., а выиграл 20 рублей.

Вечером втроем, отец, я и сват, отправились к Семену есть, так называемую, девичью кашу. Нас здесь еще угощали водкою. В избе Семена присутствовала вся семья, кроме Марьи; она нам ни разу не показалась. Вероятно, ее послали на этот раз к знакомым, так как у них не было другой избы, где могла бы она находиться. Свадьбу решили сделать в Семик, в мае, как принято у чуваш нашего уезда.

После Святок стали мы усиленно молотить хлеб, который тотчас отвозился в Чистополь, за 35 верст. Нам нужны были деньги для уплаты Семену за Марью. Деньги поступали к нам единственно от продажи хлеба, других источников дохода у нас не было, как и у всех чуваш нашей деревни. Нет у нас в деревне ни одного чувашина, который занимался бы ремеслом или торговлею, но в то время еще бывали хорошие урожаи. В ту зиму стали брать в город и меня. В городе все было выше моего воображения. Я приходил в какое-то безсознательное состояние и всему радовался.

Мы возили хлеб к одному купцу и у него ночевали в людской, где всегда бывало много народа: русских, чуваш, татар. Часто между ночующими возникали споры. Они начинались из-за пустяков, обычно татарами. Произнесет чувашин неправильно татарское слово, и этого достаточно. Татары укорят чувашина, что он не может говорить правильно по татарски, хотя весь век проводит

между ними. Чуваши возразят, начинают спорить об обычаях, костюме, наконец, переходят к религии. Конечно, победителями большею частью остаются татары, так как неопределенные, сбивчивые религиозные воззрения чуваш не выдерживают сравнения с магометанскими верованиями, крещеные же чуваши ничего не могут сказать в защиту христианской религии, потому что христианину-чувашину были неизвестны даже основы его религии, татары-же, превосходно зная свою религию, знали и недостатки русского духовенства и вообще русских, которые, напр., далеко не все постятся, особенно начальство — судьи, становые и пр. Это последнее часто служит татарам аргументом неосновательности православной веры, потому что-де умные люди, наши начальники, сами отказываются от исполнения обрядов своей религии, а если-де русские мужики и живут строго по закону церкви, то это происходит только по неведению ими настоящей и самой лучшей религии, религии магометанской. Татары-магометане таким образом постепенно доводят чуваш до убеждения, что христианство ниже магометанства. Но встречаются и такие чуваши, которые при всем незнании религии не поддаются татарам. К числу таких чуваш можно бы отнести моего брата Ивана. Он спорил больше с татарами, нанимавшимися к нам работать. Известно, что татары, когда начнут хвалить свое, то они хвалят без меры. Брат знал этот недостаток татар, и обращал спор в похвальное слово. Начинал хвалить татарщину так-же, как хвалят татары, и только изредка вставлял в свои разсуждения свое сомнение, например, так: у татар все хорошо, все мне очень нравится, а русские чистейшие дураки, но только я не понимаю: почему у татар голова гладкая, как стекло, а у русских голова с волосами, или почему татарин не довольствуется одною женою и т. п. Заметив, что брат насмехается над ними, татары, обыкновенно, сами начинали смеяться и толкать брата, называя его плутом. Таким образом брат не давал татарам насмехаться над христианством, хотя у него самого не было и элементарных понятий о нем, но он сам был убежден, что христианство лучшая религия и действовал по одному этому убеждению. Он умер в мае 1888 г. Дай Бог ему царство небесное! Также ведет дело в спорах с татарами и кузнец в нашей деревне.

Татары очень ревностны к своей религии и отличаются замечательно развитым духом пропаганды, свойственным не только муллам, но почти каждому простому татарину. Их ревность к распространению магометанства обусловливается огромным развитием среди татар магометанской грамотности. Когда спор касался вопросов религии, то и русские заступались за чуваш, но тоже ничего основательного не могли сказать в защиту православной веры, разве только начнут бранить татар и обзывать их насмешливыми

прозвищами, далеко не всегда остроумными. Поэтому в состязаниях все-таки победителями оставались татары. К сожалению, сношения татар с чувашами не ограничиваются обменом мнений. Татары заводят с чувашами знакомство, принимают у себя чуваш, как дорогих гостей, и сами любят бывать у них. Будучи ленивы работать, татары живут беднее чуваш; примут у себя чуваш один раз, а сами непременно постараются быть у них раза три, чтобы таким способом пожить на чувашский счет. Отличаясь вежливостью и вниманием к гостям, татары искусно располагают к себе влиятельных в обществе людей.

На моей родине долго крепко дэржалось язычество и только недавно стало несколько ослабевать. Это произошло вследствие двух причин: во первых, благодаря близости русской деревни Благодаровки, расположенной на противоположном берегу реки, и во вторых—сравнительной отдаленности татарских деревень: Алкиной в двух верстах и Елтани в семи.

Хотя влияние русских, по этой причине, на чуваш постоянное, но оно только внешнее, как, напр., в отношении костюма, внешних обрядов и, пожалуй, некоторых обычаев. Еще можно прибавить ломанный русский язык, но им владеют исключительно мужчины и то далеко не все. Напротив, по татарски говорят все без различия возраста и пола. Так как христианство с магометанством постоянно враждуют между собою в нашей деревне в лице русских и татар, с которыми знаются чуваши, то здесь столкнулись три религии: христианская, магометанская и своя старинная.

Борьба между религиями не сразу заметна для постороннего человека, но часто сказывается в житейских столкновениях татар с русскими и чувашами. Русский простолюдин всегда выставляет превосходство своей веры над магометанскою, а иногда и над чувашскою, но делает это без всяких доказательств, ссылаясь иногда только на то, что русская вера — вера правительственная. В тоже время русские стараются унизить две других религии насмешками и неуместными выходками, что отталкивает чуваш от русских, между тем магометанская пропаганда действовала на убеждения чуваш, и они стали относиться к татарам доверчивее, чем к русским. Пользуясь этим, татары начинают говорить против христианства, однако же не затрагивая и не оскорбляя языческих понятий чуваш. Мне приходилось слышать татар, которые говорили чувашам, что мы все дети одного Бога. Следовательно, татарин и чувашин имеют, некоторым образом, родство, связующее их в одно семейство под покровительством одного Бога. Тогда как неграмотный русский человек, безсознательно похваляясь своею религиею, называет чуваш другим народом: „чуваши не наши, чуваши лошади наши“ и т. п. Вследствие влияния христианства и магоме-

танства значение языческой религии стало падать, а магометанство шаг за шагом завоевывать себе место, хотя еще и не успело лечь в основу миросозерцания чуваш, что случилось в некоторых чувашских селениях, верстах в 25-ти от нашей деревни, где крещеные чуваши перешли в магометанство.

О характере и силе влияния татар можно судить из следующего факта. Известно, что во время последней русско-турецкой войны татары возымели мысль поднять бунт по всему Волжско-Камскому краю, если бы Россия ослабела от понесенных ею поражений. К этому они побуждали и чуваш, распространяя между ними ложные слухи. Однажды в нашу деревню приехали татары из Елтани, как передавали мне, и рассказали, что Россия теперь погибает, она потерпела большое поражение, что турецкая армия уже находится в Симбирске и что я взят в плен (тогда я учился в Симбирской чувашской школе). Чуваши этому слуху не поверили. Но вскоре после этого из волостного правления было выдано каждому старосте по одной книжке для записывания прихода и расхода общественных сумм. Тою же ночью прискакали татары на этот раз к некрещеным чувашам нашей деревни и передали, что всех чуваш обратили теперь в крепостных, что староста нашего общества сделал формальный приговор о согласии крестьян быть крепостными, за что старосте будет отрезано 30 десятин земли в вознаграждение, а десятникам по 8. Кроме того, старосте предоставлено будет собирать с них оброк по той книжке, которую он привез сегодня вечером тайно, чтобы никто из жителей деревни не знал об этом. Это сообщение вызвало среди чуваш нашей деревни большое волнение. Собрали в полночь сход, потребовали об'яснения от старосты и десятников, почему они составили ложный приговор и передали все селение в крепостную зависимость. Затем, сильно избили их, поломали в ярости ворота и двери в доме старосты. Однако же об этом не донесли начальству, а покончили дело по мирному соглашению между старостою и виновниками безпорядков.

В год женитьбы брата мы так увлеклись работою, что не заметили как наступила масляница.

Масляница у нас продолжается две недели. Первая из них называется старшей или большой масляницей, а вторая неделя — младшей, или малой масляницей. Большая масляница служит как бы приготовлением к малой масляннце. Празднуют масляницу чуваши в общих чертах так-же, как и русские. По вечерам большой масляницы парни и девушки идут кататься на горку. Оттуда до полуночи слышны смех и шумный разговор. Катался я на деревянных коньках, а иногда на скамейке, нижняя доска которой замораживалась снизу. На такой скамейке удобно кататься с сугробов по

пушистому снегу. Мне приходилось больше кататься на своем же огороде, откуда видна вся улица д. Благодаровки, где с другого берега тоже приходили кататься русские мальчишки. Увидав меня, они обыкновенно звали меня к себе вместе покататься. Я сначала боялся их, а потом близко сошелся с ними. Русские мальчики никогда не трогали меня, когда происходил, так называемый, бой. Кроме того, я учился у них русскому языку.

Скоро я стал ходить и к ним в дома, где нельзя было уже не покреститься, как войдешь в избу. Тут я видел, как садятся русские за стол и как они молятся пред образами, и начал сравнивать русские домашние порядки с чувашскими и татарскими (у татар я бывал уж несколько раз с дедушкой). Что бросалось в глаза у тех и других, это что у татар в избе всегда чисто, пьют чай и обедают на нарах на кошме, под себя подкладывают подушки, а у русских особенной чистоты нет, как и у чуваш, но у них, обыкновенно, в переднем углу много икон, по числу членов семейства, а у чуваш в углу только одна плохенькая закоптелая икона, на которую никто не обращает внимания; стоит она где-нибудь на полочке или висит под ней. Если бы попы перестали ходить к чувашам с крестом, святою водою, за ругой, то давно бы чувашин спустил свою икону весною по течению воды. По пониманию чувашина, ее нельзя бросить куда-ни-попало. Тогда она будет часто попадаться на глаза людям и будет держать людей, т. е. насылать на них болезни, как и киреметь с ирихом. У нас была старая расколотая икона, которая валялась на полати в углу. Играя в избе, мы иногда натыкались на нее, вытаскивая ее половинки; на них не видно было никакого изображения. Когда бабушка заметит нашу шалость, тотчас велит положить икону обратно на место, при этом бранит про себя дедушку, что тот до сих пор не может эту икону пустить по течению, а может быть от нее-то дети и хворают. На следующий год иконы не стало. Стало быть, ее выкинули Бабушка называла икону, как и прочие чуваши нашего уезда, Турă—Бог. Такое же название присвоено ей и в уездах Чебоксарском, Ядринском и Цивильском. В уездах Симбирской губернии или близлежащих к ней икону называют турăш, с каковым названием икона вошла в чувашские переводные книги. Это чувашское слово, по значению близко подходящее к слову образ.

На второй неделе, в малую масляницу, перестают ходить на горку. Катание с горки заменяется катанием в санях на одной, паре и тройке лошадей с колокольчиками и бубенчиками. Но я не любил кататься вместе с другими. У нас была небольшая лошадка саврасой масти. Она жеребенком была приведена в наш дом моею матерью от ее родителей, как подарок, когда она вышла замуж за отца. После ее смерти все имущество ее, состоящее из

белья, сундука, пуховой перины с двумя подушками и хушпу— головного убора из серебряных монет, стоящего рублей семьдесят пять, — считали моею собственностью, в том числе и саврасая лошадь стала моею. На ней я, вачиная с 7—8 лет, ездил и бороновать, и в город, и на другие работы. Силы у меня тогда были небольшие, и я не мог управлять лошадью надлежащим образом, отчего она сделалась в моих руках своенравною, испортилась. На масляница я запрягал ее в какие-нибудь салазки, сажал иногда одного из товарищей и катался там, где мне вздумается. Когда мы проезжали около толпы народа, над нами смеялись и бросали в нас комьями снега, а мы быстро удалялись, погоняя лошадь кнутом. Все это нам доставляло большое удовольствие.

Раз катаясь на своей лошади, я проезжал мимо ворот нашего дома. Вижу, у ворот в санях сидит женщина с ребенком, не совсем трезвая. Лошадь ее привязана к столбу. Калитка была полуотворена. Когда я уже почти проехал мимо ворот, вдруг моя лошадь повернула назад, перескочила через сани, в которых сидела женщина, задела их салазками, опрокинула сани и шмыгнула в калитку, поломав оглобли. Я лежу около опрокинутых саней, женщина с ребенком под санями и кричит оттуда: „убили, убили". Я вскочил с места и побежал на двор к лошади, снял скорее с нее хомут, а сам дрожу от испуга, и убежал на улицу через задние ворота и огород. Подошел к углу избы и смотрю, что случилось с женшиною. Вот вышел от нас мужчина, должно быть, ее муж. Она бранит его и рассказывает о случившемся с нею, он стоит и удивляется. Потом сели оба в сани и уехали из нашей деревни. Этот случай произвел на меня потрясающее впечатление: я навсегда отказался от катания на салазках. Пусть скорее пройдет масляница, думал я: с нею еще беду наживешь.

В то время, как молодые проводили масляницу в катании, старшие пировали. Принимали гостей у себя и сами ходили к ним пировать. Дедушка, возвращаясь домой, всегда здоровался с хёрт-сурт—с богом дома—словами: „тавсе хёрт-сурт", т. е. здравствуй бог дома. Нужно заметить, что в словах „тавсе хёрт-сурт" заключается больше значения, чем в словах „здравствуй, бог дома". Чувашин словами „тавсе хёрт-сурт" выражает своему домашнему богу 1) благодарность за сохранение дома в целости, за избавление дома от всех бедствий, которые могли случиться в отсутствие хозяина, 2) свой долг повиновения и уважения к нему. Отец же, как не главное лицо в доме и будучи по природе очень скромным, входил в избу тихо и ложился спать. Бабушка с мачехою приходили по вечерам тоже не трезвые, но тем не менее усердно принимались за работу. Женщина в чувашском быту, летом почти наравне с мужчиною занятая крестьянскими полевыми работами, зимою

исполняет многочисленные обязанности хозяйки. Она должна дорожить временем больше, чем мужчина. И, действительно, чувашская женщина отличается необыкновенным трудолюбием и выносливостью, а праздность, мало свойственная чувашину, можно сказать, совершенно незнакома чувашке. После масляницы, в этом году, домолотили остальной хлеб и в день молотьбы последнего овина совершили моление „богу овина", в благорность за услуги, оказанные им в молотьбе: за дарование здоровья и силы для работы, за сохранение овина от пожара. А перед этим молились „богу скота" и хёрт-сурту. Моление этим богам, богам добрым низшего разряда и богу поля, которому молятся чуваши после посевов яровых, более или менее одинаковы и достаточно иметь представление о молении одному из них, напр., богу овина, чтобы составить понятие о всех молениях. К молению богу овина приготовляется каша, так называемая, овинная каша, в честь бога овина и лепешки. Моление совершается в сенях, куда из избы выносится стол, на него кладется одна масляная лепешка и становится блюдо с кашею. Глава семьи, встав пред столом лицом к востоку, молится. Шапку он держит под левою мышкою. Нужно заметить, что без шапки не совершается ни одно моление. Никаких крестных знамений не делается, хотя бы молящийся был и православный. Земные поклоны делаются при окончании моления. Во время моления в сени никого не пускают, особенно из посторонних; в избе соблюдается полная тишина. Если молотьба была произведена вместе с другою семьею, то все члены этой семьи приглашаются к тому обеду, когда подается „овинная каша". А та семья, с своей стороны, приглашает в другое время на подобный же обед первую семью.

Я часто ходил с дедушкою на мельницу и проводил дни и ночи вместе с мужиками, помольцами, когда не было дома особенной работы. Дедушка мой, долго живя на мельнице, изучил свое дело, можно сказать, до тонкости. Утром, выходя на двор, по степени холода или тепла, по направлению ветра, по цвету облаков и по другим признакам, которые, может быть, он не был в состоянии выразить словами, дедушка довольно верно узнавал, можно ли пустить мельницу молоть.

Однажды в июле месяце дул ровный, холодный ветер с севера. Народу собралось много с новым хлебом, и каждый ждал с нетерпением своей очереди. Звонко вращались жернова, а мельник точил насеки, сильно придавливая на них. Словом, работа на мельнице кипела, не предвиделось никакой опасности. Поэтому все помольцы сидели в избенке и мирно беседовали. Посидев в избе вместе с другими, дедушка вышел на двор. Потом, вернувшись назад, отворил дверь избенки и так внушительно крикнул на мужи-

ков, что те поспешно выбежали на двор и стали бегать с криком и шумом вокруг нашей мельницы. Вышел и я, и недоумевал, что случилось. Дедушка стоит среди толпы и командует, указывая то на канат, то на рычаг мельничного хвоста, то на столбы, к которым привязывается канат. Наскоро перевязали канат, ухватили за рычаг человек девять и быстро стали двигать верхнюю часть мельницы слева на право. Крылья мельницы, или, как их называют, махи, пришли в такое положение, что ветер стал дуть прямо на их ребра. Только успели завязать большое колесо мельницы, как буря столкнула другую, чужую мельницу, начиная с самой крыши амбара. С шумом и треском полетела масса бревен и досок сверху вниз и раздробилась на мелкие части. Тут я понял, что обезпокоило дедушку. Оказалось, что, когда он вышел на двор, он заметил вдали верстах в пяти от мельницы небольшое черное облачко, которое двигалось как раз по направлению к мельнице. Он сообразил, что сию минуту настанет буря, и он начал энергично командовать мужиками, беззаботно сидевшими в избенке. Буря прошла. Мельница спасена. Все радовались. Хозяева же разрушенной мельницы стояли около кучи поломанных бревен и досок и горько плакали. Они были не в состоянии снова выстроить мельницу. Это семейство после стало бедствовать. Осталась одна наша мельница на всю деревню.

Уже близко к Пасхе, когда сильно таял снег и вода начинала стекать по маленьким руслам с возвышенностей в более низкие места, я спешил приготовить игрушечную водяную мельницу. Я прудил ручейки так, чтобы струя воды падала вниз только с желобка, помещенного в одном месте пруда. Вследствие этого сила падения воды сосредоточивалась только в одной струе, которая быстро вращала колесо моей мельницы. Я брал в руки рассыпчатую почву и сыпал около мельницы, воображая, что это мука сыплется из ларя, как и на настоящей мельнице.

Я проводил над постройкою мельниц и установкою их не часы, а целые дни. Люди, замечая, как я усердно был занят своими машинами, говорили, что из меня выйдет хороший плотник.

По наступлении Пасхи, я оставлял мельницы и принимался за игры, которыми забавляются тогда большие и малые. Каждый день бегал к качелям, где во всякое время дня толпилось множество парней и девушек. У нас Пасха начиналась в среду на страстной неделе. Утром в этот день мальчики с каждого двора выезжают верхом и, собравшись вместе, приглашают хозяев каждого дома к себе пировать. Начинают они с одного конца деревни и кончают другим концом. На каждом дворе встречают их стоя на крыльце, с ведром пива. Они под'езжают к ведру по одному и, выпив по ковшу пива, отправляются на следующий двор. Этот

обычай у чуваш называется йыхрав—приглашение на пир. В приглашении на пир я стал участвовать, когда уже привык свободно ездить верхом на лошади рысью и вскачь. Без этого навыка выезжать опасно, так как мальчики в опьянении от пива начинают хлестать нагайками лошадей друг у друга, отчего лошади прыгают и делают крутые повороты в сторону. На третий день Пасхи, т. е. в страстную пятницу, мы ходили на серен. Серен совершают повсеместно в нашем уезде под двумя названиями: серен и вирём.

В пятницу утром мы в числе двадцати мальчиков пошли в ближайший овраг и нарезали несколько пучков мелкого тальника и принесли к концу деревни. Сюда прибежало еще мальчиков двадцать. Некоторые из более взрослых завили несколько прутьев вместе для прочности, маленькие моего возраста взяли только по одному пруту. Выбрали из бóльших старшину лет шестнадцати писаря (тийак), старосту, сотника и двоих сборщиков. Обязанность старшины и писаря состоит в том, что они на улице ходят впереди толпы (эта толпа также называется серен или вирём) мальчиков, а вошедши в дом, об'являют хозяину, что они пришли к нему по приказу царя и требуют от него дани. При этом писарь вынимает из кармана какую-нибудь исписанную бумажку и читает по русски, конечно, ломанным языком:

„Указ — приказ Казанской губернии, Чистопольского уезда, Изгарской волости, деревни Чувашской Чебоксарки, крестьянин Кирилл Петрович (имя и отчество хозяина), по повелению царя должен нам заплатить дань по силе возможности“. После чего хозяин подносит старшине с писарем по ковшу пива и вручает им несколько копеек денег. Тогда старшина приказывает мальчикам прыгать и кричать несколько раз: „серен“ в знак благодарности за уплату хозяином дани. Те исполняют его приказание. Выходя из избы, мальчики касаются прутьями членов семьи, приговаривая при этом: „да удалится всякая хворь“. Староста с сотником идут за мальчиками и следят за порядком. В каждом доме, по их приказанию, выносится из избы одна подушка. Когда толпа кричит „серен“ и прыгает, по ней хлещут в сенях прутьями, тоже приговаривая: „да удалится всякая хворь“. Потом подушка закидывается старостою или сотником на подловку. Отсюда понятно назначение серена: изгнать болезни по наступлении весны, чтобы выступить на работы в полном здоровьи. Между тем сборщики собирают в пещеры по паре яиц и блинов в каждом доме.

Так мы ходили с одного двора на другой, начиная с конца деревни. При этом нет пощады татарину, если он встретится с толпою серена. Его останавливают; старшина с писарем требуют от него денегъ. Если он откажется, то старшина немедленно приказывает его бить прутьями. Окружив со всех сторон, мальчики

хлыщут татарина без разбора, где ни попало. Он тогда умоляет старшину остановить толпу, закладывает одежду и платит ему 5 или 10 копеек. Жалоб на толпу серена в нашем краю ни в каких присутственных местах не принимается. В этот день татары, зная чувашский обычай серен, стараются спрятаться, но не могут укрыться, потому что на всех улицах и переулках заранее расставлены шпионы, которые зорко следят за движением татар. Издали заметив татарина, шпионы дают знать об этом старшине. Он снаряжает ловких парней отыскать татар и привести их к нему. В числе наряжаемых один здоровенный юноша назначается атаманом (утаман). Захватив татар, с них требуют денег, а отказавшихся платить сильно бьют, даже до крови. Но вторых денег никогда не требуют. Раз заплативши деньги, всякий татарин становится своим человеком. Он может участвовать и в серене. Таковы правила чувашского серена. Когда обойдут деревню, все идут в поле, разводят там костер и сожигают свои прутья. Яйца и блины, собранные сборщиками, делят поровну. Потом кидают вверх свою одежду, приговаривая: „да удалится всякая хворь". Затем взяв одежду, все бегут по направлению к околице. Кто прибежит к околице после всех, на том останутся болезни, которые изгнали из деревни прутьями, сожженными уже на костре. После перехода через околицу, держат совет, как распорядиться собранными деньгами. Дело кончается тем, что решат купить орехов и пряников, при этом дело не обходится без мошенничества: разве можно старшине, писарю и пр. начальникам поступать добросовестно? Непременно они до Пасхи приготовят и орехов и пряников и рожков сами, так как в нашей деревне нет ни одной лавочки. А теперь втридорога продадут их. Впрочем, тут и покупки не бывает. Принесут в мешечке названные лакомства, а все собранные деньги оставят у себя. Затем бывает дележ орехов, пряников и пр. между членами серена. Причем большие—взрослые, т. е. начальники, получают больше, а малые, т. е. подчиненные им—меньше. Это последнее обстоятельство делается на законном основании, тут неприятностей не бывает: всякий из них знает, что начальники получают себе больше. Ничего не поделаешь, когда у начальников закон такой. Спорить с ними нельзя. Они кулаками заставят рот зажать всякого осмелившегося говорить о несправедливости начальников. Дележом лакомств кончается серен. И так, сущность серена заключается в изгнании из деревни всякой болезни и хвори.

Пока мы, дети, исполняли свои пасхальные обязанности: приглашали на пир и изгоняли болезни, и проводили время в играх, часто нами самими придумываемых, старшие пировали дома. Кстати несколько слов о пире. Это слово нам встречалось до сих пор в трех случаях: пир в Введение, на маслянице и на Пасхе.

Все эти пиры имеют религиозную подкладку. На всех их бывает поминование усопших. Приведу здесь краткое описание поминовения усопших на одном из праздников, напр., в Введение. Чувашин убрал с поля весь хлеб. Наступает осень. К страде он приступил с разными религиозными молениями: варил дождевую кашу, совершил моления уҫук и хытҫук. Теперь он убрал страду. Надо же ему помолиться Богу, поблагодарить Его за убранный хлеб. Но он не хочет благодарить Бога один, он хочет, чтобы в благодарении участвовали все родные и покойный дед, отец, брат и т. д. Пригласив на пир живых родных, он приглашает и умерших родных. Он помнит их, он желает жить с ними опять вместе, как некогда они жили вместе. Пришло время, некоторые перестали здесь жить. Но мысли покойных продолжают существовать, и теперь потомки их приводят в исполнение задуманное ими. „Эх, еслибы дедушка твой был жив, то радовался бы, смотря на то, как его внук теперь делает то самое дело, о котором он давным-давно мечтал“, говорит чувашин. Он помнит покойного и приглашает его на пир, чтобы вместе вдоволь поесть, попить и тем самым вместе выразить Богу свое довольство, свою сытость. Вот живые родные приехали и сидят на местах. А умерших еще нет в избе. Но и они скоро будут между нами, хотя и невидимые. Все приумолкли, разве только маленький ничего не понимающий ребенок запищит, но и ему не дают плакать. У порога уж накрыт стол. На нем большое блюдо. Вокруг блюда положены ложки по числу умерших. Около блюда же лежат блины, стоит ведро пива с ковшом, тут же пирог с овощью и курятина. К стене против стола прибит большой деревянный брус. На нем горит ряд восковых свеч по числу умерших. Чтобы усопшие могли входить в избу, дверь несколько приотворена. Для них разостланы: на нарах перина, на скамейках вокруг стола—войлока, а если их нет, то шуба мехом вверх или, по крайней бедности хозяина, его кафтан. Теперь все родные в сборе: и живые и умершие. Живых можно видеть, но умерших видеть нельзя. Они невидимо возседают за отдельным столом. Затем старший член семьи подходит к столу умерших, берет блин и, отрывая по маленькому кусочку каждому усопшему, кладет в блюдо. При этом он называет его не по имени, а по родству: „вот, дедушка, я поминаю тебя, да будет наш хлеб-соль пред тобою“. Один кусок блина опускает в блюдо. „Вот, бабушка, я тебя поминаю, да будет наш хлеб-соль пред тобою“. Так он перечисляет всех умерших, а у самого так и льются слезы. Потом берет пирог и делает тоже самое. Затем льет в блюдо понемножку пива, приговаривая теже слова, только заменяет слова „хлеб-соль“ словами „наше пиво“. Наконец, поминающий садится за стол и протведывает каждое кушание и пиво. Так он участвует в угощении вместе

с усопшими. Также поминают усопших все остальные, по старшинству. В это время часто можно слышать, как гости сидят на местах и шепотом беседуют о добрых делах каждого из усопших. Когда кончится поминовение, блюдо, уже полное смесью кусочков блинов с пирогом и пива, выносят на двор или на улицу вылить. Это об'едки усопших, в них нет никакой питательности, по убеждению чуваш: невидимым образом она отнята умершими. Куда же деть эти об'едки, как не выбросить? Сюда сбегаются собаки и подбирают куски хлеба. Так угостившись с умершими продуктами только своей земли, чувашин провожает их: задувает свечи, убирает стол и скамейки и дверь притворяет. После этого начинается угощение живых гостей, как описано было мною раньше. Здесь бывает уже и водка, и чай—купленные вещи. Почти такое же поминовение бывает на масляница и Пасхе. Только на Пасхе курятина заменятся раскрашенными яйцами, приличествующими этому празднику. В подробностях поминовения усопших различаются у чуваш разных местностей. Но общий характер их один и тот-же. Хотя Пасха у чуваш нашего уезда продолжается только до понедельника христианской пасхальной недели, но крещеным чувашам приходится продлить ее гораздо дольше в ожидании духовенства с иконами. Вот уже и иконы из села принесли к нам, но духовенства еще нет. Чуваши, живущие по обрядам языческой религии, теперь по принесении икон и в ожидании духовенства, обращаются в настоящих христиан. Входя в избу, снимают свои шапки и, обращаясь к иконам, набожно молятся. Дедушка с отцем с нетерпением ждали своего любимого священника. Вот приехал и священник с дьячками. Отец и дедушка встретили их у ворот и потом приняли их в избе. В этот вечер они не пожелали ходить с иконами по деревне, а потому весь народ, собравшийся в избе, разошелся по домам. Священник начал беседовать с дедушкою о разных вопросах крестьянской жизни; стал говорить об обучении детей грамоте. Он говорил, что теперь грамоте можно учиться всем, кто пожелает учиться. Он развивал мысль о пользе грамоты подробно и понятно для чуваш с помощью примеров. Заметив меня, он обратился к дедушке с следующими словами: „вот, Алексей Иванович, ты толковый человек, а внука не отдаешь в школу учиться. Надо его учить, умным человеком будет, тебе же спасибо скажет. Вон, у меня в Ишалькине, Саврушах и Атлашкине учатся и крещено-татарские и чувашские мальчики, умеют теперь читать и писать, а Ишалькинские татарские ученики поют молитвы в церкви. Они молятся с нами вместе в церкви на своем татарском языке. Вот это хорошо, а то они остались бы болванами. Они и Бога не будут знать и сами в дураках останутся“..... Так он убеждал дедушку отдать меня в школу. Священник рассуждал логич-

но, говорил простым, понятным языком, говорил медленно и веско, так что чуваши восхищались его беседой и слушали со вниманием. Священник был по отношению к ним всегда добр и внимателен. Это заставляло инородцев его прихода уважать и любить его. Он успел заслужит доверие их. В затруднительных случаях каждый прихожанин мог к нему обратиться за советом и всегда уходил утешенный им. Близко зная жизнь прихожанина, священник всегда успевал дать ему полезный совет. Мне казалось, что с моим дедушкою он жил особенно на дружеской ноге. Они беседовали так душевно, что у дедушки иногда катились слезы из глаз. Дедушка начинал тогда себя бранить за то, что он неграмотный человек, а тот утешал его. Беседы священника с дедушкою постепенно подготовили его к мысли отдать меня в школу. Поистинне, он был для инородцев настоящим духовным отцом. Инородцы понимали это. Поэтому велика была их грусть, велико было их горе, когда он был переведен в г. Чистополь соборным протоиереем.

А. Охотников.